

УДК-353:329

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-54-66

ПРИЗРАЧНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: СЛУЧАЙ УКРАИНЫ

Виталий Ковин

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Аннотация

Возросшая роль регионов стала одной из самых заметных тенденций развития современных политических систем. Процессы регионализации имеют страновую, региональную и иную специфику, что создает возможность для проведения различных компаративистских исследований. Считается, что важнейшую роль в этом процессе играют регионалистские политические партии. В этой связи интересен опыт Украины. Несмотря на то, что законодательно региональные партии здесь запрещены, высокая степень разноразмерной пространственно-временной региональной дифференциации и соответствующей многоуровневой идентичности создает значительный потенциал для регионализма. Однако анализ показывает, что украинские административно-территориальные единицы (области), в силу ряда причин, за исключением части территории Востока страны, не стали пространством для формирования региональной идентичности, которая могла бы стать основой для регионализма. Доминирующее значение имеют общенациональная и локальная идентичности. Более того, в настоящее время в публичном пространстве сложился своего рода антирегионалистский консенсус: ни избиратели, ни элиты не выступают за расширение полномочий регионов в сторону их автономизации. Вместе с тем, значительная часть украинской элиты по-прежнему руководствуется региональными, прежде всего экономическими, интересами, что будет и дальше подпитывать «призрак регионализма». В частности, это проявляется в том, что многие партии, которые вынуждены мимикрировать под общенациональные, на деле представляют интересы отдельных местных элитных групп внутри регионов.

Ключевые слова: регион; регионализм; регионалистские партии.

Возросшая роль регионов стала одной из самых заметных тенденций развития современных политических систем (Schakel, 2017). С 1970-х гг. процесс регионализации, под которым понимается перераспределение власти и наделение административно-территориальных единиц (АТЕ) субнационального уровня юридическими, политическими, административными и финансовыми полномочиями, закрепленными в конституции или в законах, привел к усилению роли регионов в государственном управлении, в социально-экономической и политической жизни общества. Общеευропейские институты активно поддерживают процессы регионализации среди членов ЕС и тех, кто претендует на вступление в сообщество (среди них Европейская региональная ассамблея, программы трансграничного сотрудничества в рамках т.н. «еврорегионов», поддержка политики децентрализации и расширения автономии регионов, финансовая поддержка регионов через Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд и др.). В целом, можно говорить о распространении политики регионализма, которая одновременно и стимулирует процесс регионализации власти и является ее результатом (Богатырева, 2018: 15–16, 24). Естественно, что этот процесс имеет страновую, режимную и иную специфику, что создает возможность для проведения различных компаративистских исследований.

Одним из двух основных направлений регионалистских исследований, наряду с изучением институциональных основ регионов и регионализма, является поиск субъектов, заинтересованных в политической регионализации. В рамках данного исследования мы придерживаемся подхода, предложенного П. Пановым, который под субнациональным регионализмом предлагает понимать идеологию и возникающее на ее основе движение, которое стремится к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс (Панов, 2020).

В рамках данного акторного подхода считается, что важнейшим субъектом субнационального регионализма являются региональные политические партии. Именно это направление в изучении ре-

гионализма как политического движения развивается наиболее системно. Например, составлены сравнительно-ориентированные обзоры региональных партий в Европе (De Winter, 1998), разработаны их типологии (Dandoy, 2010), выделены факторы, влияющие на их силу (Brancati, 2008) и т.д. Однако представляется, что региональные партии скорее следует рассматривать как одно из проявлений регионализма как политического движения, нежели как фактор, однозначно демонстрирующий его интенсивность. Возникает вопрос, может ли регионализм как движение существовать без региональных политических партий, особенно в том случае, если законодательство страны формально не позволяет их создавать. При этом стоит согласиться с тем, что важно различать те партии, которые лишь ориентируются на электорат определенного региона и выражают интересы региональной элиты («региональные партии»), от тех партий, которые не просто связаны с определенным регионом, но ставят вопрос о повышении политической субъектности региона, об изменении сложившейся практики отношений в системе центр-регионы («регионалистские партии»).

Следует также учитывать, что региональная дифференциация ряда стран может быть чрезвычайно сложной, многоуровневой и не только административной. Тогда возникают другие вопросы. О каких именно «регионах», о субъектности которых могут заявлять регионалистские движения, идет речь в рамках данной политической системы – исторических, административных (АТЕ субнационального уровня), местных сообществах (АТЕ субрегионального уровня), «формальных» или «неформальных», «макро» или «субрегионов» и т.д.? В каком из этих видов «регионов» стоит ожидать появления регионалистских движений, а в каких – нет или только региональных? Какие именно территориальные границы региональные и регионалистские движения назначают зоной своей ответственности? Зависят ли от «масштаба» деятельности устойчивость регионалистского движения, характер и содержание требований? Как связаны регионалистские движения с выраженностью региональной идентичности соответствующего уровня?

Гипотеза заключается в том, что только те движения (партии), которые установили прочную коннотацию с регионом субнационального уровня («регионом» в узком, административно-территориальном, смысле слова), если такая возможность в принципе существует, имеют перспективы перейти с регионального (политическая привязка к «региону» в широком смысле, как любой, осознаваемой гомогенной, местности) на регионалистский уровень притязаний и сохранить устойчивость на длительное время. Однако вероятность этого снижается, если региональная идентичность не способна конкурировать с идентичностями другого уровня (общенационального и локального).

В этой связи интересно обратиться к опыту развития партийной системы Украины – страны, в которой признается высокая степень региональной дифференциации (Погребинский, 2013) и разноразноуровневой региональной идентичности, но которая не фигурирует в списках стран, имеющих регионалистские партии (Schakel, 2019).

Региональное разнообразие Украины

Большинство исследователей отмечают сложность и противоречивость территориального устройства Украины, что раскрывается в различных аспектах. На протяжении ее истории имели место две противоположные тенденции: исторический подход к региональному делению, проявившийся в формировании представлений о культурном, этническом, языковом и ином разнообразии ее исторических земель, входивших долгое время в состав разных государств (Галичина, Волинь, Закарпатье, Буковина, Слобожанщина, Подолье и др.), и рациональный подход – создание таких административно-территориальных единиц (губерний, воеводств, округов, областей), которые нивелировали бы региональные отличия и способствовали политической централизации (Hołubko, 2014; Погребинский, 2013). В результате сложилось частичное несовпадение между «неформальными» и «формальными» (Бусыгина, 2006: 7–9) регионами Украины. Например, историческая область Галиция включает часть территории Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской областей. Административно-территориальное деление (АТД) Украины неоднократно менялось на протяжении XIX–XX вв. Действующая система унаследована от Советского Союза. Несмотря на это, неформальное представление о том, из каких исторических регионов состоит Украина, воспроизводилось в традиции.

В настоящий момент центральная власть Украины контролирует территорию, в рамках которой в качестве АТЕ первого субнационального (регионального) уровня существует 22 области и город со специальным статусом Киев, а также часть территории Донецкой и Луганской областей. Области включают в себя муниципальные районы, сельские и городские поселения. С 2015 г. на Украине в рамках процесса децентрализации реализуется муниципальная реформа, в соответствии с которой

происходит объединение муниципалитетов (их около 11 тыс.) в объединенные территориальные громады (ОТГ – примерно 1 360). В ОТГ с национального и регионального уровней передаются значительные социальные полномочия и дополнительные финансы. Согласно результатам «Мониторинга процесса децентрализованной власти и реформирования народного самоуправления» Министерства развития громад и территорий Украины, на начало октября 2019 г. создано 975 ОТГ, охватывающих 41,8% территории и 29,5% населения Украины. Объединение происходит в соответствии с перспективными планами, которые разрабатывают и принимают областные советы. На данный момент медленнее всего этот процесс идет в Закарпатской, Львовской, Киевской, Винницкой, Кировоградской областях, на юге Одесской области¹.

Помимо этого, в общественно-политическом дискурсе относительно современной Украины, причем как внутри, так и вовне страны, в СМИ, в научных исследованиях, в репрезентации общественных настроений, в политической риторике и пропаганде активно используется разделение страны на, своего рода, политико-культурные «макрорегионы», или «кластеры»: Запад и Восток Украины или Запад, Центр и Юго-Восток или Запад, Центр, Восток и Юг страны (Leshenok, 2019). Политический и культурный раскол между условным «Западом» и условным «Востоком» обосновывался различными историческими, этническими, экономическими, религиозными и иными факторами, а также разными языковыми, электоральными и внешнеполитическими предпочтениями («прозападными» и «пророссийскими») (Черкашин, 2015) жителей.

Таким образом, во-первых, на Украине сохраняется и продолжает культивироваться неформальное, но укоренившееся в национальном сознании деление страны на исторические регионы. Во-вторых, существует формальное деление страны на административные регионы (области) со всеми атрибутами и институтами субнационального уровня власти. В-третьих, локальный уровень территориальной организации – совокупность разнотипных поселений и различных конфигураций их объединения – в настоящее время претерпевает существенные динамические изменения в направлении создания своеобразных «микрорегионов». В-четвертых, остается разделение страны на политико-культурные «макрорегионы» (от 2 до 5 в различных подходах), включающие территории, близкие по социокультурным и политическим интересам их жителей. Каждый из этих типов «регионов» имеет потенциал для того, чтобы стать одним из паттернов (матриц, моделей) для формирования и развития «своей» региональной идентичности (т.н. паттерн-региональное развитие). Кроме того, нужно учитывать, что административно-территориальное строительство страны продолжает находиться в динамике, и рано говорить о стабилизации АД Украины. Новая власть (президент Зеленский и партия «Слуга народа») озвучивает планы и вносит законопроекты по дальнейшей децентрализации и реформе административно-территориального деления².

Украинские региональные движения (РД), партии, потенциально могли оказаться «привязаны» как к любому из четырех уровней регионального формального и неформального деления страны и, соответственно, к региональной идентичности (РИ), а также к их «старым» или «новым» организационным формам. Это ставит перед исследователями политического регионализма Украины дополнительные задачи и сложности. Какая(ие) же из территориальных идентичностей оказалась(ись) наиболее ярко выражена(ы) у жителей Украины? Какая(ие) из них могла(и) стать основой для развития регионалистских движений?

Украинский центр экономических и политических исследований им. Разумкова на протяжении многих лет проводит опросы населения четырех «макрорегионов» страны (Запад, Центр, Восток и Юг)³, направленные на выявление у них особенностей процесса формирования социальной идентичности. Результаты этих опросов позволяют проследить определенную динамику. Исследователи отмечают, что к середине 2000-х гг. у граждан Украины превалировала местная (локальная) идентич-

¹ Мониторинг процесса децентрализованной власти и реформирования народного самоуправления. 10 октября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://decentralization.gov.ua/uploads/library/file/477/10.10.2019.pdf> (дата обращения: 13.12.2019).

² Зеленский предложил новое управление регионами без особых прав Донбассу. 16.12.2019. Подробнее на РБК: [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/12/2019/5df74ba09a79476f9da2c7ff?from=from_main (дата обращения: 16.12.2019).

³ Центром применялось следующее разделение Украины на макро-регионы: **Запад** – Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Черновицкая области; **Юг** – АР Крым, Николаевская, Одесская, Херсонская области; **Центр** – г. Киев, Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская, Черниговская области; **Восток** – Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Харьковская области. После событий 2014–2015 гг. в отдельный, пятый, макро-регион был выделен **Донбасс** – Донецкая и Луганская области.

ность (44,4% опрошенных отвечали, что отождествляют себя, прежде всего, с определенной местностью или местным сообществом); почти треть (31,3%) – демонстрировали общеукраинскую идентичность и лишь 14,8% – региональную. При этом на Западе доминировала общенациональная идентичность (40,4%), а региональная идентичность в наибольшей степени оказалась присуща жителям Востока (19,4%) и в наименьшей – Центра страны (10,1%). Авторы сделали предположение, что доминирование локальной идентичности может свидетельствовать о слабой вовлеченности граждан в общенациональные процессы, о некоторой обособленности локалитетов друг от друга (Центр Разумкова, 2006; 2007). Однако обращает на себя внимание, что на Востоке страны региональная идентичность показала больший потенциал для социальной интеграции граждан, чем в других регионах, что, по-видимому, нашло свое отражение и в особенностях партийного строительства, и в распространении регионалистских настроений в этом регионе.

Уже первые исследования выявили диспропорциональность в становлении идентичности жителей Запада и Востока страны – более ярко выраженный акцент на общенациональных (всеукраинских) интересах на Западе и на региональных – на Востоке. Кроме того, дальнейшие исследования ценностных установок и ориентаций граждан Украины обнаружили противоречивость процесса формирования общегражданской идентичности и неопределенность его перспектив, поскольку уловили наличие противоположно направленной тенденции – к формированию на региональном уровне субнациональных идентичностей на почве отличных языковых, культурных, национально-этнических, конфессиональных идентичностей в разных регионах. Также возник риск интеграции некоторых субнациональных идентичностей с инонациональными идентичностями (Центр Разумкова, 2017), что и сыграло определенную роль в разразившемся кризисе.

Ситуация существенно изменилась после событий 2014–2015 гг. Исследования 2016–2017 гг. показали, что по всей стране преобладает общегражданская идентичность. Несколько менее ярко она выражена на Востоке и в Донбассе. Связь с местной общиной по-прежнему остается более выраженной на Западе и Юге, а слабее всего – на Востоке. А региональная (областная) идентичность практически перестала рассматриваться как основа для социальной интеграции (сохранила значимость лишь для 11,4% респондентов), за исключением Донбасса (Центр Разумкова, 2016). В отличие от 2006–2007 гг., больших различий в ценностных ориентациях и установках между гражданами Украины из разных регионов (за исключением Донбасса) также не наблюдается. Общенациональная и локальная идентичности, по-видимому, вытесняют региональную и субнациональные (макрорегиональные) идентичности из общественного и индивидуального сознания украинцев. Соответственно, база для развития региональных и регионалистских движений на Украине существенно сократилась.

Опросы также показали, что большинство респондентов устраивает нынешний статус областей, они не хотели бы его менять в сторону усиления (лишь в Донбассе отмечено 12% сторонников автономии). Единственное, что поддерживается – это расширение прав местного самоуправления (Центр Разумкова, 2016). Это позволило авторам исследования сделать вывод о том, что между жителями разных регионов фактически существует консенсус относительно будущего статуса их областей, которому соответствует тот вариант политики децентрализации, который в настоящее время реализуется властью. Запрос избирателей на большую политическую субъектность украинских областей (кроме Донбасса) на данный момент отсутствует.

Таким образом, развитие территориальной идентичности граждан Украины за десять лет прошло стремительный путь от доминирования локальной до формирования и усиления общенациональной идентичности. Ее основу составили те ценности и настроения, которые изначально культивировались в западном и центральном регионах страны. Региональная (областная) идентичность на короткий период успела стать значимым фактором в юго-восточных регионах и способствовала формированию особого варианта субнациональной (макрорегиональной) идентичности, что нашло свое отражение и в партийном строительстве, и в подъеме регионалистского движения. Однако данная линия развития фактически пресеклась с отпадением части территории Украины с доминирующим русскоязычным населением.

На сегодняшний день вряд ли можно говорить, что региональная идентичность где-либо, кроме Донбасса, сохраняет значение конституирующей основы для регионалистских движений. Дальнейший анализ политических партий Украины показал, что большинство из тех современных партий, которые в той или иной мере претендуют на выражение регионалистских требований, если и соотносятся с определенным «регионом», то это «регионы», представляющие собой либо часть какой-то области (несколько локалитетов или места компактного проживания этнического меньшинства), либо речь идет о символической привязке к одному из исторических регионов Украины.

Региональные, но не регионалистские

На начало 2019 г. партийная система Украины, по данным сайта Министерства юстиции страны, насчитывала 352 зарегистрированные партии¹. С 2001 г. законодательство Украины запрещает создание региональных политических партий², т.е. партии могут существовать только в виде общенациональных (state-wide party – SWP). Однако в действительности для политической системы страны характерна значимая региональная фрагментация политических акторов (Гельман, 2005; Furman, 1999) и диспропорциональность поддержки партий в кросс-территориальном отношении, что на протяжении многих лет отражается на результатах и национальных, и региональных выборов (Киреев и Сидиренко, 2007; Черкашин, 2014; Черкашин, 2015; Leshenok, 2019). Так, по подсчетам украинской исследовательницы М. Кармазиной из 109 партий, зарегистрированных к 2001 г., лишь 12 имели отделения во всех регионах Украины. Большинство партий ограничивалось несколькими регионами, т.е. «в определенном смысле они были региональными» (Кармазина, 2019: 18).

В настоящее время около 30 партий имеют какую-либо территориальную коннотацию: в названии или программных документах партии присутствует упоминание какой-либо украинской области (например, Винницкая, Херсонская, Одесская), исторического макрорегиона (например, Галиция) или даже конкретной местности, либо по факту своей политической деятельности или электоральной поддержки партия устойчиво «привязана» к одной или нескольким областям.

Взлет популярности «партийного регионализма» на Украине приходится на 2014–2015 гг., когда ряд ранее существовавших партий переименовались, чтобы подчеркнуть свою связь с определенным регионом и его электоратом. Христианско-демократическая партия Украины стала партией «Черкащане», «Сила єдності» переименовалась в партию «Херсонці», партия «За Європейську Україну» – в «Патріоти Волині», а партия «Народна трибуна» – в «Вінницька європейська стратегія». Правда вскоре последняя стала называться «Українська стратегія», а наименование «Вінницька європейська стратегія» стала использовать бывшая «Незалежна Україна» (Кармазина, 2019: 23–24). Многие из этих партий весьма успешно выступили в 2015 г. на региональных и локальных выборах (например, на местных выборах, где использовалась пропорциональная система, первые места заняли списки 47 разных партий³). Тем не менее, эти партии нельзя в классическом смысле считать «региональными» (non-state-wide-parties – NSWП), а тем более «регионалистскими» партиями, поскольку они, как правило, не претендуют на репрезентацию интересов жителей региона в целом, не ставят задачу повышения статуса или политической субъектности региона, а преимущественно ориентированы на электоральные интересы одной из групп местной элиты или конкретного политика. При этом они вынуждены внешне соответствовать статусу общенациональной партии. Устойчивость этих проектов можно определить лишь после проведения повторных региональных и местных выборов.

На понимание ситуации с существующими региональными партиями и с перспективами появления регионалистских партий, а также на отношение к регионализму в современной Украине накладывает свой отпечаток ряд факторов.

1. Сложный историко-географический и историко-культурный состав Украины – устойчивое представление о разделении страны на несколько географических и культурно-исторических макрорегионов, о чем уже говорилось выше.

2. Децентрализованная и секторально-дифференцированная территориальная структура украинской экономики (Шаблій, 1995⁴) и, как следствие, украинской элиты, сформировавшейся в ходе процесса приватизации (Гельман, 2007).

3. Кланово-региональный характер структуры украинской элиты (днепропетровский, киевский, донецкий, харьковский и др. кланы) (Цыплакова, 2009) и вследствие этого ресурсной базы для политической конкуренции. Результатом этого стало установление режима т.н. «бесформенного плюрализма» (Карозерс, 2003).

¹ Відомості щодо зареєстрованих у встановленому законом порядку політичних партій станом на 01.01.2019 року [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ua/m/4561> (дата обращения: 13.12.2019).

² Закон України 2365-III Про політичні партії в Україні. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2365-14?lang=ru> (дата обращения: 13.12.2019).

³ См. карту Вибори до ОМС 2015 року. Лідери до районних та міських рад [Электронный ресурс]. URL: <https://vybory-91.livejournal.com/155553.html#comments> (дата обращения: 13.12.2019).

⁴ Автор выделил 6 социально-экономических регионов: аграрные Западный (ядро — г. Львов), Центральный (области вокруг Киева), промышленные Северо-Восточный (Харьков), Восточный (Донецк), Центрально-Восточный (Днепропетровск) и Южный (Одесса).

4. Опыт деятельности «пророссийских» радикальных регионалистских партий в Крыму и на Востоке Украины в 1990–2000-е гг. (например, партия «Русский блок» – запрещена в 2014 г., партия «Союз» – крымская русская ирредентистская партия и др.). Они продемонстрировали опасности политического регионализма, опиравшегося на представления об особой региональной или макрорегиональной идентичности и ориентированного на выход региона из существующей государственной системы. На Украине были и партии умеренного регионализма, стремившиеся к закреплению в «своем» регионе и вхождению в органы региональной и центральной власти (Кармазина, 2019: 43), но и их опыт был, в целом, неудачным. Негативный пример своего рода «инструментального регионализма» дала «Партии регионов» – тактическое объединение нескольких региональных элит и их партий, использовавших лозунги регионализма исключительно для установления контроля над центральной властью. Примечательно, что сепаратистское движение Донецка и Луганска опиралось, в том числе, на актив нескольких региональных партий, например «Славянской партии», возникшей в Донецке, или одесской по происхождению партии «Родина» сторонника «Новороссии» Игоря Маркова, который открыто выступал за федерализацию и позже покинул страну¹.

5. Внешнее влияние России, в которой идеологически и пропагандистски поддерживается идея федерализации Украины, прежде всего, в интересах регионов с доминирующим русскоязычным населением, что рассматривается «прозападными» движениями как угроза целостности страны.

Эти и другие факторы в настоящее время не способствуют легитимации регионализма как модели отношений между центром и периферией и сколько-нибудь значимому в перспективе распространению регионалистских политических проектов в Украине. Региональные партии вынуждены мимикрировать под общенациональные проекты и при этом декларировать приверженность местным, но не региональным, интересам.

Среди действующих украинских партий можно выделить несколько видов квазиобщенациональных региональных партийных объединений.

Значительная часть таких партий является **персоналистскими политическими проектами**, созданными для электорального продвижения конкретных региональных политиков и их окружения на центральном, региональном и местном уровнях. Зачастую активность таких партий территориально привязана к мажоритарным округам, по которым баллотируются партийные лидеры и их ближайшее окружение. Среди них «Блок Геннадия Чекита “За справедливость”» (одесский политик с неоднозначной репутацией) или также одесская «Украинская морская партия Сергея Кивалова». В Херсоне были созданы «именная» партия городского головы – «Блок Владимира Николаенко» и Політична партія «ОСНОВА-ХЕРСОН». Лидером является Сергей Тарута, депутат Верховной Рады, донецкий промышленник, экс-губернатор Донецкой области. В центральной и северной частях Украины действуют несколько партий, ориентированных преимущественно на местное население – «Винницкая европейская стратегия», связанная с экс-спикером Верховной Рады и премьер-министром Владимиром Гройсманом, партия «За конкретные дела» (Хмельницкая область) и др.

М. Кармазина обращает внимание на интересный факт переименования некоторых из региональных партийных проектов в партии с указанием их привязки к конкретному лидеру: так, «Украинская морская партия» стала «Украинской морской партией Сергея Кивалова», партия ВО «За справедливость» стала «Блоком Геннадия Чекита «За справедливость»», «Партия простых людей» (Полтавщина) – «Партией простых людей Сергея Каплина», херсонская партия «Люстрація. Право. Самоврядування» превратилась в «Блок Володимира Миколаєнко» (мэр Херсона) и т.п. (Кармазина, 2019: 34–35). Это явление, скорее всего, указывает на персоналистский, лидерский, чем на регионалистский характер этих партий, точнее, на вариант регионального вождизма и регионального популизма. Часто подобные партии в своих программных документах и выступлениях лидеров используют риторику децентрализации и регионализма, подразумевая под этим сохранение автономии местной власти и контролирующей ее региональных элит.

Некоторые из этих партий достаточно успешно выступили на региональных и местных выборах 2015 г., проходивших в 22 регионах страны. Так, партия «За конкретные дела», которую еще именуют «партией клана Герег», выдвинула список только в Хмельницкой области и заняла с 19 мандатами первое место, обойдя правивший в то время «Блок Петра Порошенко «Солидарність»»

¹ Игорь Марков: нам объявили войну на уничтожение, Таймер. Новости Одессы. 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://timer-odessa.net/intervyu/_1252926215.html (дата обращения: 13.12.2019).

(БПП)¹. Партия «Единый Центр», закарпатская региональная партия, связанная с кланом Балог, на выборах 2015 г. выдвинула списки только в Закарпатской и Львовской областях. В Закарпатье с 19 мандатами «Единый центр» занял первое место, а в Львовской области, где его участие было чисто символическим, – последнее². Партия также заняла первое место на выборах в Мукачево и получила несколько мандатов в других городах Закарпатья³. Одесская партия «Доверяй делам», выдвинувшаяся только в своем регионе, взяла в областной раде 12 мандатов, заняв третье место⁴, а в городской совет Одессы – первое, получив там 27 мандатов. Другая одесская партия «Украинская морская партия Сергея Кивалова» не смогла получить мандаты в областной совет, но выиграла 6 мандатов в совет города⁵.

В настоящее время многие украинские партии активно поддерживают идею и реформу политической децентрализации. Однако под этим понимается не расширение автономии регионов, а развитие самостоятельности местных общин (громад), или локалитетов – т.н. коммунализм. Существует несколько **«громадских» (муниципальных) партий**, поддерживающих муниципальную реформу, некоторые из них привязаны даже к одной местности (например, киевские «ОБ'ЄДНАННЯ «СИЛА ГРОМАД», «КІЇВСЬКА ГРОМАДА»)⁶.

Наиболее ярко и отчетливо регионализм как движение проявляется, пожалуй, только среди **этнорегиональных партий**. Среди них выделяется «Партия венгров Украины» (венг. «KMKSZ», Ukraїnai Magyar Párt, укр. Партія угорців України), которая локализована в Закарпатье. Другая этническая партия, «Партия поляков Украины», четкой привязки к регионам не имеет (ее отделения существовали по всей стране), но наибольшим влиянием располагает во Львове.

«Партия венгров Украины» (в 2015 г. объединилась с партией «Демократический союз венгров Украины») отстаивает политические интересы венгерского меньшинства, компактно расселенного на части территории Закарпатской области. Это одна из немногих партий, которые открыто поддерживают идею федерализации, т.е. изменения статуса региона (области): *«Учитывая полиэтничный состав Украины и тот факт, что в стране существует несколько исторически сложившихся регионов, «KMKSZ» считает целесообразным федеративное устройство страны и создание соответствующей парламентской структуры»* (Программа)⁷. Аббревиатура «KMKSZ» означает «Общество венгерской культуры Закарпатья», под этим названием партия действует вне выборов как общественная организация. Сайт партии содержит информацию, в том числе, программные документы (Программа, Устав), исключительно на венгерском языке, лишь отдельные новости и политические заявления публикуются на украинском. Лидер партии Василий (Ласло) Брензович является председателем Общества венгерской культуры Закарпатья. В 2014 г. он был избран в Верховную Раду от «Блока Петра Порошенко» (БПП), с которым «Партия венгров» заключила союз. Партия поддержала Петра Порошенко и на президентских выборах 2019 г.

В своих программных документах «Партия венгров» всячески подчеркивает свою связь с регионом: *«KMKSZ ... считается основной политической силой на уровне Закарпатья...»* (Программа); *«KMKSZ – национальная общественная организация, которая защищает культурные, политические и социальные интересы венгров, проживающих в Закарпатье»* (Устав, Программа). При этом партия

¹ Данные Центральной избирательной комиссии Украины. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20151108174706/http://www.cvk.gov.ua/wvm2015/pvm057pid112=12pid102=8504pf7691=8504pt001f01=100rej=0pt00_t001f01=100.html (дата обращения: 13.12.2019).

² Данные Центральной избирательной комиссии Украины. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20151113043224/http://www.cvk.gov.ua/wvm2015/pvm057pid112=12pid102=9129pf7691=9129pt001f01=100rej=0pt00_t001f01=100.html;

https://web.archive.org/web/20151113043159/http://www.cvk.gov.ua/wvm2015/pvm057pid112=12pid102=2962pf7691=2962pt001f01=100rej=0pt00_t001f01=100.html (дата обращения: 13.12.2019).

³ Данные Центральной избирательной комиссии Украины. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2015/pvm037pt001f01=100pt00_t001f01=100pid112=30pid100=21rej=0.html (дата обращения: 13.12.2019).

⁴ Данные Центральной избирательной комиссии Украины. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20151117035301/http://www.cvk.gov.ua/wvm2015/pvm057pid112=12pid102=9473pf7691=9473pt001f01=100rej=0pt00_t001f01=100.html (дата обращения: 13.12.2019).

⁵ Данные Центральной избирательной комиссии Украины. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2015/pvm057pid112=30pid102=9973pf7691=9973pt001f01=100rej=0pt00_t001f01=100.html (дата обращения: 13.12.2019).

⁶ Відомості щодо зареєстрованих у встановленому законом порядку політичних партій станом на 01.01.2019 року [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ua/m/4561> (дата обращения: 13.12.2019).

⁷ Здесь и далее цитируется по текстам официальных документов партии (названия документов приведены в скобках): Сайт политической партии «KMKSZ» [Электронный ресурс]. URL: <https://kmksz.com.ua/> (дата обращения: 13.12.2019).

не претендует на представительство интересов всех жителей региона: *«Основная задача – защищать интересы закарпатских венгров»* (Программа). В то же время, *«Альянс заявляет, что венгерское меньшинство, проживающее на Закарпатье, является частью всех венгров»* (Устав), а политическая деятельность *«КМКСЗ основана на принципах баланса, профессионализма и приматов интересов венгров и поиска национального консенсуса»* (Программа). Однако партия заявляет, что именно проживание в Закарпатье венгров конституирует своеобразие региона.

Партия выдвигает ряд типичных для европейских этнорегионалистских партий требований. Она выступает за введение многоязычия в документообороте публичных органов региона, в том числе в обращениях граждан, а также в топонимике региона (Программа). Настаивает на своем обязательном участии при рассмотрении законопроектов, затрагивающих интересы национальных меньшинств (Устав). Партия критикует национальную политическую систему за излишнюю централизацию: *«централизованное управление во главе с представителями президента (имеется в виду назначение президентом глав областей) несовместимо с принципами демократии и верховенства закона...»* (Программа). Считает, что необходимо укрепить систему МСУ: *«Одним из важных требований КМКСЗ является создание национального самоуправления. Национальное самоуправление, институциональная автономия, профессиональные и политические организации, территориальная автономия могут быть инструментами для этого»* (Программа).

В своих требованиях «Партия венгров Украины» опирается на общеевропейскую политику, направленную на поддержку регионов: *«В соответствии с европейской практикой должна быть создана современная избирательная система, которая обеспечит представительство всех национальностей на всех уровнях»* (Заявление). КМКСЗ заинтересована во введении пропорциональной избирательной системы на всех уровнях, которая позволит партиям меньшинств и объединениям граждан быть лучше представленными в парламентах: *«Без голосования по партийному списку парламентаризм остается пустым словом»* (Программа). КМКСЗ последовательно выступает за вступление Украины в Европу с целью укрепления системы верховенства закона, прав национальностей и проведения реформ (Заявление).

В целом, в политическом манифестировании и в практике КМКСЗ национальный компонент явно преобладает над региональным. Автономизация и децентрализация, усиление регионального уровня власти рассматриваются как механизмы укрепления позиций одного из национальных меньшинств Украины.

На Украине также существуют попытки создания партий с привязкой к историческим макро-регионам (**«макрорегиональные партии»**). Ярким примером является созданная молодыми политиками в 2012 г. «Украинская Галицкая партия» (укр. *Українська Галицька партія*, сокр. УГП). УГП позиционирует себя как умеренно-националистическая партия христианско-демократического толка (основной лозунг: «Бог – Людина – Україна») и как выразительница интересов Галиции (территория Ивано-Франковской, Львовской и большей части Тернопольской (кроме северных районов) областей). Задача партии – сделать Галичину образцовым для остальной Украины демократическим европейским украинским регионом: *«Это платформа для молодых и свободных людей, которые хотят творить новую Украину и начнут это делать из своего дома, из Галичины ... Наша цель – защита интересов и максимальное развитие Галичины»*¹ (ЩО ТАКЕ УГП?, 10 фактов об УГП). Партия последовательно выступает за децентрализацию, однако она против любых реформ в духе федерализации и регионализации как политической самостоятельности регионов: *«10. Галицкая – это о ценности. В названии партии речь идет не о территории, а о ценности и модели политики»* (10 фактов об УГП). Акцент делается на развитии местного самоуправления (не Украина регионов, а Украина общин). На выборах 2019 г. УГП вошла в союз партий Вакарчука «Голос», и четверо ее членов стали депутатами Рады.

При этом партия вполне в регионалистском духе манифестирует противопоставление Центра (Киева) и регионов, выражает недовольство, что лидеры национально-демократических партий рассматривают Галичину исключительно *«в качестве плацдарма для штурма киевских властных высот»* (Манифест): *«Галичины политически не существует. Мы, Галичане, не имеем ни своей партии, ни элиты, заботящейся о нашем регионе и представляющей его интерес. Деятели, которые получа-*

¹ Здесь и далее цитируется по текстам официальных документов партии (названия документов приведены в скобках): Сайт политической партии «Українська Галицька партія» [Электронный ресурс]. URL: <https://uhp.org.ua/> (дата обращения: 13.12.2019).

ют от галицкого избирателя мандат во всеукраинскую политику, очень быстро ограничивают сферу своих интересов Киевом...» (Манифест).

По мнению некоторых наблюдателей, «именно эта партия больше похожа на цивилизованные европейские регионалистские партии» (Пархоменко, 2019), поскольку программа партии содержит требования, характерные для регионалистских партий: *возможность создания региональных партий, которые в своей деятельности могут сосредоточиться на местном уровне; введение региональных списков на голосовании в Верховную Раду, на уровне областных и местных советов* (Программа. Политические реформы). Считается, что пропорциональная избирательная система, основанная на провинции как избирательном округе, способствует представительству в общегосударственном парламенте региональных партий (Богатырева, 2018: 84)

Чрезмерная централизация власти, которая, по мнению УГП, досталась от Советского Союза, в такой «разнообразной» стране, как Украина, является залогом некомпетентной и коррумпированной власти: *«Такая власть может профинансировать или финансово уничтожить любой населенный пункт, территориальную единицу или отрасль экономики»*. (Программа. Децентрализация) *«Исполнительная власть, – заявляет УГП, – на областном и районном уровнях сосредоточена в руках представителей местных государственных администраций, которые назначаются из Киева»*. Однако централизация рассматривается в коммуналистском духе: *«Реформирование страны невозможно без децентрализации власти – передачи значительного объема полномочий и ответственности с центрального на местный уровень, участия граждан в процессах принятия решений»* (Программа. Децентрализация). В организационном плане УГП также противопоставляет себя «вождистским» по своему характеру общеукраинским партиям как партию коллективистского типа, как сообщество равных людей близких взглядов.

Такого же противопоставления придерживается и другая региональная партия ВО «Черкащани»: *«В нашем объединении нет лидера и руководства сверху. Есть коллективный орган правления – совет из местных людей. И так в каждом городе, поселке, деревне»*¹. В 2015 г. партия «Черкащани» выставила список только в Черкасской области и с 16 мандатами заняла второе место в областной раде, вслед за БПП². «Черкащани» также получили мандаты в 5 из 6 городских советов области. Идеология партии выдержана в духе локального патриотизма, коммунизма, государственного патернализма в социальной сфере и в сфере сельского хозяйства: *«На местах лучше видно, кто сможет сделать свой вклад в развитие бизнеса, образования, медицины, сельского хозяйства или инфраструктуры. Это суть нашего объединения»* (Сайт партии; Кармазіна, 2019: 31–32). Создание партии стало во многом вынужденной мерой для местных предпринимателей и муниципалов, поскольку законодательство страны не позволяет непартийным объединениям избирателей участвовать в выборах (Вівчарик, 2015).

* * *

Таким образом, Украина рассматривается как страна с достаточно интенсивно выраженной региональной дифференциацией. Регионы в коллективном восприятии представляются как внутренне гомогенные, но специфичные и дифференцированные друг от друга единицы. Правда, под «регионами» в разных обстоятельствах понимаются территориальные единицы разного масштаба – от конкретной местности, до объединения нескольких областей. Однако многие исследователи отмечают, что в рамках АТЕ (областей) сложились специфические региональные политические режимы, отражающие интересы региональных элит. В этом аспекте рассмотрение случая Украины вполне соответствует такому подходу к пониманию регионализма, при котором констатируется не просто наличие политико-административных или исторических регионов, а подчеркивается гетерогенность их социально-экономических, социокультурных, географических, исторических и иных характеристик, т.е. регионализм рассматривается как социотерриториальное своеобразие.

Однако есть очевидные сложности с рассмотрением случая Украины в рамках другого подхода, который делает акцент на стратегиях и действиях региональных акторов: регионализм – как движение, выдвигающее требования обретения особого статуса региона, вплоть до территориальной автономии и / или развития регионом его политической субъектности, включения его в политический

¹ Сайт политической партии «Черкащани». [Электронный ресурс]. URL: <http://cherkashchanu.com/> (дата обращения: 13.12.2019).

² Данные Центральной избирательной комиссии Украины. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20151113043219/http://www.cvk.gov.ua/wvm2015/pvm057pid112=12pid102=7206pf7691=7206pt001f01=100rej=0pt00_t001f01=100.html (дата обращения: 13.12.2019).

процесс в качестве самостоятельной единицы. Здесь мы наблюдаем, с одной стороны, ярко выраженное движение за региональную автономию на Востоке Украины, которое фактически трансформировалось в военно-сепаратистское движение и вышло, собственно, за рамки регионализма и регионалистских требований. В этих условиях для остальной региональной элиты требовать политическую автономию для своего региона – политически недальновидно и непатриотично, тем более что, как мы видели, оно не поддерживается избирателями большинства регионов. Поэтому, с другой стороны, мы наблюдаем формальное отсутствие и даже запрет на существование таких региональных движений в остальной части страны, которые бы публично ставили вопрос о предоставлении большей политической самостоятельности украинским регионам (областям).

С третьей стороны, существует достаточно большое количество политических партий и квазипартийных проектов, которые имеют очевидную региональную привязку и связи с элитой конкретного региона(ов). Вопрос о расширении политических полномочий регионов они не поднимают, но активно поддерживают расширение полномочий на местном уровне и сосредоточены на закреплении своего влияния на местном уровне, т.е. развивают, своего рода, «регионализм внутрь». Что касается характера взаимоотношения между центром и регионами Украины, то формально она соответствует унитаристской модели закреплённой в конституции, где центр назначает и контролирует деятельность исполнительной власти региона, а полномочия региональных legislatures весьма ограничены. К тому же проводимая центром политика децентрализации ориентирована на развитие субъектности локалитетов – местных укрупнённых общин («территориальных громад»), что даже ограничивает субъектность регионов (областей) «снизу». Не случайно общеевропейские институты, изучающие развитие системы многоуровневого управления (MLG), рассматривают движение Украины в данном направлении через призму включения в принятие государственно-управленческих решений локального, а не регионального уровня власти, что характерно для многих других стран Европы¹.

Если исходить из того, что регионалистская партия – это партия, которая, в отличие от других региональных партий, выдвигает регионалистские требования, среди которых могут фигурировать требования наделения региона особым статусом, «увеличение» объема статуса региона, участия в принятии решений или повышение качества реализации статуса региона, то таковые на сегодняшний день в Украине отсутствуют. Некоторые из упомянутых в статье партий в своих программных документах (например, «Партия венгров», УПП) заявляют ряд требований, которые могут рассматриваться как регионалистские (выборность глав регионов, разрешение региональных партий), однако эти требования носят скорее инструментальный, а не ценностный характер. Они привязаны к другим «регионам» (историческим, субрегионам, локалитетам) либо партикуляристски ориентированы. Кроме того, можно говорить о своего рода «региональной деградации» ряда партий Украины, которые раньше играли заметную роль в национальной политике, а теперь проявляют активность лишь в некоторых регионах («Народный Рух Украины» – в западных областях, «Народная партия» экс-председателя Верховной Рады Юрия Литвина, – в Житомирской и Одесской областях).

В настоящее время в публичном пространстве сложился своего рода антирегионалистский всеукраинский консенсус – популярные требования государственных реформ и децентрализации подразумевают очищение от коррупции центральной власти и расширение полномочий локальной. Ни избиратели, ни элиты не выступают за расширение полномочий регионов в сторону их автономизации. Однако представляется, что значительная часть украинской элиты по-прежнему руководствуется региональными, прежде всего экономическими, интересами, что будет и дальше подпитывать «призрак регионализма». Таким образом, несмотря на то, что внешне сохраняется консенсус на ограничение притязаний АТЕ на политическую субъектность, «изнутри» регионализм так или иначе проявляет себя в политических проектах, внешне носящих всеукраинский характер, но в действительности локализованных в определенных территориях (Кармазина, 2019: 47–51). Процесс децентрализации скорее всего приведет к еще большему росту влияния региональной элиты на локальные процессы. Как следствие, ускорится процесс формирования региональных политических режимов, частью которых, возможно, станут квазиобщенациональные региональные партии.

¹ См., например: Ukraine - Systems of multilevel governance // Division of Powers. [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.cor.europa.eu/divisionpowers/Pages/Ukraine-MLG.aspx> (дата обращения: 13.12.2019).

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Библиографический список

- Богатырева, О. Н. (2018) *Европейские модели регионализма*. Екатеринбург. [Bogatyрева, O. N. (2018) *European models of regionalism* [Evropeiskie modeli regionalizma]. Ekaterinburg. (In Russ.)].
- Бусыгина, И. М. (2006) *Политическая регионалистика*. Москва: РОССПЭН. [Busygina, I. M. (2006) *Political regionalistika*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)].
- Вівчарик, Н. (2015) «ЧЕРКАШАНИ»: Спроба заможних об'єднатися без оглядки на Київ», *Прочерк*, 3 вересня. [Электронный ресурс]. URL: <https://cutt.ly/2e7lpqt> (дата обращения: 13.12.2019). [Vivcharik, N. (2015) «ChERKASHchANI»: Sproba zamozhnikh ob'ednatisya bez oglyadki na Kiiv], *Procherk*, September 3 [online]. Available at: <https://cutt.ly/2e7lpqt> (Accessed: 13 December 2019). (In Ukr.)].
- Гельман, В. Я. (2007) «Украина: фрагментированное пространство» в: *СССР после распада* / под ред. О. Л. Маргания, Д. Травин. Санкт-Петербург: Экономическая школа, сс. 75–140. [Gel'man, V.Ya. (2007) 'Ukraine: a fragmented space' [Ukraina: fragmentirovannoe prostranstvo] in: Marganiya, O. L., Travin, D. (eds.) in: *The USSR after collapse* [SSSR posle raspada]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ., pp. 75–140. (In Russ.)].
- Гельман, В. Я. (2005) «Уроки украинского», *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 36–49. [Gel'man, V.Ya. (2005) 'Lessons of Ukrainian' [Uroki ukrainskogo], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 36–49. (In Russ.)].
- Кармазіна, М. С. (2019) Регіональні політичні партії в Україні (1991 – початок 2018 рр.) [Электронный ресурс]. URL: http://ipiend.gov.ua/wp-content/uploads/2018/11/karmazina_regionalni.pdf (дата обращения: 13.12.2019). [Karmazina, M. S. (2019) 'Regional political parties in Ukraine (1991 - the beginning of 2018)' [Regional'ni politichni partii v Ukraïni (1991 – pochatok 2018 rr.)] [online]. Available at: [http://ipiend.gov.ua/wp-](http://ipiend.gov.ua/wp-content/uploads/2018/11/karmazina_regionalni.pdf)
- Центр Разумкова (2007) «Формування спільної ідентичності громадян України: перспективи і виклики», *Національна безпека і оборона*, 9, сс. 3–31. [Razumkov Centre (2007) 'Forming the common identity of Ukrainian citizens: perspectives and challenges' [Formuvannya spil'noi identichnosti gromadyan Ukraïni: perspektivi i vikliki], *Natsional'na bezpeka i oborona*, 9, pp. 3–31. (In Ukr.)].
- Центр Разумкова (2016) «Ідентичність громадян України в нових умовах: стан, тенденції, регіональні особливості», *Національна безпека і оборона*, 3–4 (161-162), сс. 3–83. [Razumkov Centre (2016) 'Identity of Ukrainian citizens in the new conditions: state, tendencies, regional peculiarities' [Identichnist' gromadyan Ukraïni v novikh umovakh: stan, tendentsii, regional'ni osoblivosti], *Natsional'na bezpeka i oborona*, 3–4 (161–162), pp. 3–83. (In Ukr.)].
- Центр Разумкова (2017) «Ідентичність громадян України: ціннісно-орієнтаційний аспект (Результати соціологічного дослідження)», *Національна безпека і оборона*, 1–2 (169-170), сс. 3–61. [Razumkov Centre (2017) 'Identity of Ukrainian citizens: value-oriented aspect (results of sociological research)' [Identichnist' gromadyan Ukraïni: tsinnisno-orientatsiini aspekt (Rezul'tati sotsiologichnogo doslidzhennya)], *Natsional'na bezpeka i oborona*, 1–2 (169-170), pp. 3–61. (In Ukr.)].
- Цыплакова, Е. П. (2009) «Особенности украинской и российской государственной элиты», *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 97, сс. 338–345. [Tsyplakova, E. P. (2009) 'Features of the Ukrainian and Russian political elite' [Osobennosti ukrainskoi i rossiiskoi gosudarstvennoi elity], *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 97, pp. 338–345. (In Russ.)].
- Черкашин, К. В. (2015) «Электоральная география постпереворотной Украины и новая расстановка сил в стране», *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 5, сс. 103–115. [Cherkashin,

- content/uploads/2018/11/karmazina_regionalni.pdf (Accessed: 13 December 2019). (In Ukr.).
- Карозерс, Т. (2003) 'Конец парадигмы транзита', *Политическая наука*, 2, сс. 42–65. [Karozers, T. (2003) 'The end of the transition paradigm' [Konets paradigmy tranzita], *Political Science (RU)*, 2, pp. 42–65. (In Russ.).]
- Киреев, А., Сидиренко, А. (2007) *Проект Электоральная география 2.0. Украина*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/u/ukraine> (дата обращения: 13.12.2019) [Kireev, A., Sidirenko, A. (2007) 'Project Electoral Geography 2.0. Ukraine' [Proekt Elektoral'naya geografiya 2.0. Ukraina] [online]. Available at: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/u/ukraine> (Accessed: 13 December 2019). (In Russ.).]
- Панов, П. В. (2020) 'Многоликий регионализм', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 102–115. [Panov, P. V. (2020) 'Many faces of regionalism' [Mnogolikii regionalizm], *Review of Political Science*, 1, pp. 102–115. (In Russ.).]
- Пархоменко, С. (2019) *Регіональні партії: чи є загроза національній безпеці*. [Электронный ресурс]. URL: <https://petrimazepa.com/hiddenthreat.html> (дата обращения: 13.12.2019). [Parkhomenko, S. (2019) 'Regional parties as a threat to national security' [Regional'ni partii: chi e zagroza natsional'nii bezpetsi] [online]. Available at: <https://petrimazepa.com/hiddenthreat.html> (Accessed: 13 December 2019). (In Ukr.).]
- Погребинский, М., Попов, А., Толпыго, А. (2013) 'Формирование поликультурной Украины: исторический очерк и современное состояние' в: *Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики*. Москва: Весь мир, сс. 237–281. [Pogrebinskii, M., Popov, A., Tolpygo, A. (2013). 'The formation of multicultural Ukraine: historical sketch and current state' [Formirovanie polikul'turnoi Ukrainy: istoricheskii ocherk i sovremennoe sostoyanie] in: *The crisis of multiculturalism and problems of national politics* [Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noi politiki]. Moscow: Ves' mir Publ., pp. 237–281. (In Russ.).]
- Центр Разумкова (2006) 'Спільна ідентичність громадян України: особливості і пробле-
- К. V. (2015) 'The electoral geography of post-coup Ukraine and the new alignment of political forces in the country' [Elektoral'naya geografiya postperevorotnoi Ukrainy i novaya rasstanovka sil v strane], *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 5, pp. 103–115. (In Russ.).]
- Черкашин, К. В. (2014) 'Электоральная география Украины. Президентские выборы 2014. Парламентские выборы 2014', *Исторический факультет Донецкого национально-го университета*. [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/historydonnu/nauka/article1> (дата обращения: 13.12.2019). [Cherkashin, K. V. (2014) 'Electoral geography of Ukraine. Presidential Election 2014. Legislative Election 2014' [Elektoral'naya geografiya Ukrainy. Prezidentskie vybory 2014. Parlamentskie vybory 2014] [online]. Available at: <https://sites.google.com/site/historydonnu/nauka/article1> (Accessed: 13 December 2019). (In Russ.).]
- Шаблій, О. І. (1995) *Соціально-економічна географія України*. Львів: Світ. 640 с. [Shablii, O. I. (1995) *Socio-economic geography of Ukraine* [Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya Ukrainy]. Lvov: Svit Publ. (In Russ.).]
- Brancati, D. (2007) 'The Origins and Strengths of Regional Parties', *British Journal of Political Science*, 38 (1), pp. 135–159.
- Dandoy, R. (2010) 'Ethno-regionalist Parties in Europe: A Typology', *Perspectives on Federalism*, 2 (2), pp.194–220.
- De Winter, L., Tursan, H. (1998) *Regionalist Parties in Western Europe*. London.
- Furman, D. (1999) '«Centres» and «Peripheries»: The Political Systems of the Three East Slavic Republics', *Russian Politics and Law*, 37 (2).
- Hołubko, W. (2014) 'Адміністративно-територіальне делення України: історический опыт и перспективи', *Roczniki administracji i prawa*, Rok XIV, pp. 87–96. [Hołubko, W. (2014) 'Administrative and territorial division of Ukraine: experience and perspective' [Administrativno-territorial'noe delenie Ukrainy: istoricheskii opyt i perspektivy], *Annals of the Administration and Law*, XIV, Vol. 2, pp. 87–96. (In Russ.).]
- Leshenok, U. (2019) 'Clustering of Ukrainian Regions Based on Value Orientations and Political Choice of the Populations: Methodolog-

ми становлення», *Національна безпека і оборона*, 7, сс. 3–37. [Razumkov Centre (2006) 'Common identity of Ukrainian citizens: peculiarities and problems of formation' [Spil'na identichnist' gromadyan Ukraïni: osoblivosti i problemi stanovlennya], *Natsional'na bezpeka i obo-rona*, 7, pp. 3–37. (In Ukr.)].

ical Rationale and Analysis Using Combining Data Sources', *Economie si Sociologie: Revista Teoretico-Stiintifica*, 1, pp. 123–132.

Schakel, A. (2019) 'Regionalist Parties. The dataset regionalist parties' [online]. Available at: <https://www.arjanschakel.nl/index.php/regional-parties> (Accessed: 13 December 2019).

Schakel, A. (2017) 'The rise of regional electoral democracy', *The Report on the State of Regionalisation in Europe*, Assembly of European Regions (AER), pp. 122–137.

Информация об авторе

Ковин Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: kovinvt@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0338-4332. ResearcherID: P-7599-2019).

Статья принята к печати: 15.01.2020

GHOSTLY REGIONALISM: THE CASE OF UKRAINE

V. S. Kovin

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract

The increased role of the regions has become one of the most noticeable trends in contemporary political systems. The processes of regionalization proceed differently in country, regional, and other dimensions, which provides opportunities for various comparative studies. It is assumed that regionalist political parties play the most important role in the regionalization process. In this regard, the experience of Ukraine is of interest. Although regional parties in the country are legislatively banned, a high degree of multilevel spatial and temporal cross-regional differentiation and corresponding multilevel identity creates significant potential for regionalism. However, as analysis shows, for a number of reasons, the Ukrainian administrative-territorial units (oblasts), with the exception of part of the country's eastern territory, have not become space for the formation of regional identity, which could become the basis for regionalism. National and local identities are of dominant importance. Moreover, at present, a kind of anti-regionalist consensus has developed in the public sphere: neither voters nor elites advocate expanding the powers of the regions towards their autonomy. At the same time, a significant part of the Ukrainian elite is still guided by regional, primarily economic, interests, which will continue to fuel the 'ghost of regionalism'. In particular, this is manifested in the fact that many parties that have to 'mimic' national ones, in fact, represent the interests of definite local elite groups within the regions.

Keywords: region; regionalism; regional identity; regionalist parties.